

Глава 63. Официальные сообщения

На выходе из отдела регистрации анимагов нам «совершенно случайно» встретился Верховный чародей Визенгамота.

— Гарри, мальчик мой, как хорошо, что ты сегодня зашел в Министерство. Я уже думал, что тебе придется приезжать сюда из школы! — очки-половинки хитро поблескивали.

— Здравствуйте, господин Дамблдор, — поздоровалась Миа, пока я «приходил в себя от неожиданной встречи». Потом девочка ткнула меня локтем под ребра, и «тихо» прошептала: — Гарри, поздоровайся!

— Что? — я все еще «пребывал в ошеломлении», а потом «очнулся» — Да... простите, господин директор. Здравствуйте. Я... не ожидал Вас встретить... Простите...

— Ничего страшного, — вскинул руки Дамблдор. — Но наша встреча — настоящая удача. Через пять минут открывается сессия Визенгамота, и, раз уж ты здесь — я еще успею включить в ее расписание вскрытие завещания Сириуса Блэка.

— Но разве завещание еще не вскрыто? — удивился я почти искренне. Статью в «Пророке» было сложно истолковать иным образом.

— Нет, — покачал головой Дамблдор. — Был лишь зачитан список людей, которым необходимо присутствовать при вскрытии, поскольку они упомянуты в завещании. Хм... хорошо, что у Вашего преподавателя ЗоТИ, Ремуса Люпина как раз нашлись дела в Министерстве, иначе пришлось бы вызывать его совой и назначать время открытия завещания на конец сессии, чтобы он успел добраться. Увы, но остальные лица, упомянутые в списке — мертвы.

— Но... — заблел я, — как же статья в «Ежедневном пророке»?

— Увы, Гарри, журналисты далеко не всегда придерживаются истины, добавляя среди реально произошедших событий те, которые, по их мнению, «должны были произойти». Вот и Джонотан Смайлз, узнав, что в списке необходимых для вскрытия завещания лиц указаны только ты и Ремус Люпин, сделал свои выводы, коими и поделился читателями, не отделяя их от того, что известно достоверно.

— Но почему? — «удивился» я. — Может быть это профессор Люпин получил все деньги?

— Думаю, — пожал плечами Дамблдор, — что Джонотан как-то узнал о болезни профессора, из-за которой он никак не может рассматриваться в качестве лорда Блэка. Впрочем, мы уже очень скоро все узнаем точно. Пойдем.

На утрясание вопросов с изменением регламента сессий Визенгамота ушло примечательно мало времени, что в общем-то, выдавало тщательную подготовку, проведенную заранее. Впрочем, мальчишка, пусть и умный, но не имеющий опыта общения с государственными структурами, никак не мог оценить этих нюансов, так что я не удивлялся ничему и не задавал никаких вопросов, тем более, что все и так было ясно.

Визенгамот собрался в уже до боли знакомом помещении. Естественно, что на рядовое заседание посреди зимы, не предусматривающее серьезного дележа денег и влияния, прибыли далеко не все члены Визенгамота. Собственно, из пяти десятков членов почтеннейшего собрания наличествовали чуть более двух. Впрочем, этого количества участников сессии было вполне достаточно, чтобы выслушивать новые идеи Министра или же Верховного чародея и

выражать им высочайший одобрямс. Иных вариантов на рядовом заседании предусмотрено не было.

Дама в розовой кофточке уже было поднялась, собираясь выразить свое негодование присутствием на заседании посторонних, когда Дамблдор взмахнул рукой.

— Поскольку так получилось, что сегодня у нас присутствуют и Гарри Поттер и профессор Люпин, и апредлагаю провести рассмотрение завещания Сириуса Блэка, чтобы потом не отвлекаться на этот вопрос и не отвлекать ребенка и преподавателя от учебы.

— Но... — поднялась дамочка в розовом.

— У Вас есть какие-то возражение? — Верховный чародей упер в ослушницу грозный взгляд.

— Не существенные... — немедленно отступила Амбридж.

— Вот и хорошо, — улыбнулся добрый директора Хогвартса, на корню задавив попытку бунта.

— Мистер Поттер... а вот и профессор Люпин. Здравствуйте! — поприветствовал он входящего в зал оборотня.

Выглядел Люпин откровенно плохо. Полнолуние закончилось не настолько давно, чтобы он успел восстановить силы полностью. Да и обще-потрепанное состояние одежды не навевало мыслей об избытке благополучия.

Зачитывание завещания почти не принесло каких-либо сюрпризов. По три тысячи галеонов своих личных денег Блэк завещал «Люпину и Петтигрю». Мы с Миа переглянулись. В том, что Питтегрю жив — у нас не было ни малейшего сомнения.

Все остальное, «чем владею или же буду владеть на момент своей смерти», включая титул лорда Блэк, «если случится так, что он перейдет ко мне», Сириус завещал «моему побратиму, Джеймсу Поттеру. Если же он не сможет получить наследство — то моему названному племяннику и сыну-по-праву*, Гарри Поттеру».

/*Прим. автора: обычно son-in-law переводят как «крестник», но в данном случае обряд принятия не имеет христианских корней, поэтому я предпочел дословный перевод*/

Далее зачитали предоставленную гоблинами опись того, чем владел Сириус Блэк на момент смерти. Из всего списка меня заинтересовал разве что «дом в Лондоне со всем содержимым». Адрес предусмотрительно назван не был, чтобы не дать возможности посторонним проникнуть сквозь чары Фиделиуса. Впрочем, мы с Миа догадывались, о каком доме идет речь.

— Итак, у кого есть вопросы? — оведомился Верховный чародей Визенгамота, когда список был зачитан.

— У меня, — я поднялся со своего места, вызвав несколько удивленных взглядов.

— Мистер Поттер? — удивленно осведомился Дамблдор.

— В завещании Сириус Блэк назвал меня «сыном-по-праву», — директор заинтересованно посмотрел на меня и кивнул, призывая продолжать. — Разве это не означает, что был проведен ритуал, в который входит и принесение клятв, исключающих причинение намеренного вреда крестнику? Как же тогда Сириус Блэк мог привести врага в дом моих родителей, где находился и я? Разве клятва не должна была убить его прежде, чем он смог бы совершить предательской

деяние?

— В обычной ситуации — все было бы так, как Вы сказали, мистер Поттер, — постарался разъяснить ситуацию Верховный чародей. — Но мы имеем дело с темным магом большой силы. Он вполне мог разрушить принятые Блэком обеты.

— Но тогда получается, что Блэк действовал под принуждением, как и многие уважаемые и благонамеренные подданные Ее Величества, которых Визенгамот признал невиновными. Разве на основе данного прецедента не следует признать невиновным и Блэка?

— Вы не можете доказать, что он был под принуждением! — взвилась со своего места Амбридж.

— Так же, как никто уже не сможет доказать, что принуждения не было, — паррировал я. — Зато сомнение должно трактоваться в пользу обвиняемого. Так гласит закон, неоднократно подкрепленный прецедентными решениями Визенгамота.

Жаба только и могла, что молча открывать и закрывать рот. А вот Великий Белый с нескрываемым одобрением смотрел на избранного им героя. Кажется, тот факт, что Мальчик-который-Выжил является достаточно светлым, чтобы простить предателя своих родителей и способствовать восстановлению справедливости — порадовал Дамблдора.

— Увы, Гарри, в настоящий момент мы не располагаем всей полнотой сведений, чтобы принять решение, — ласково блеснув очками, произнес Верховный чародей. — Но можешь быть уверен: я настою на том, чтобы следствие было проведено и справедливость восторжествовала!

Мне оставалось только согласиться.

— Профессор Люпин, мистер Поттер, если у вас нет других дел к уважаемому собранию... — начал Дамблдор и сделал паузу, явно подразумевая, что считает, что у меня такие дела ЕСТЬ. В чем он был, безусловно, прав.

— Господин Верховный чародей. Уважаемое собрание, — я поклонился собравшимся магам. — На днях было совершено публичное, гласное оскорбление невесты главы Древнейшего и Благороднейшего рода. Подобное не может остаться без ответа. Регент рода Поттер, — я кивнул Снейпу, — разъяснил мне, что повод не достаточен для объявления родовой мести. И я согласен с тем, что родственники Джонатана Смайла ничем не провинились передо мной и моей невестой. Однако сам он с этого дня — мой враг. Не может быть мира между нами. И об этом я, в соответствии со сложившимся правом и обычаем информирую уважаемое собрание, а так же заявляю, что принимаю на себя обязательство выплатить тысячу галеонов тому, что доставит мне голову этого человека.

— А за живого сколько? — выкрикнул с места один из волшебников.

— Не интересно, — отрицательно качнул головой я. — Ненавидеть врага — бессмысленно. Достаточно просто убить.